

Трушникова Александра Вадимовна

ПЯТНИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ БЕЛЬЧИЦКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЦКОГО ЗОДЧЕСТВА КОНЦА XI - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII В.

Статья рассматривает вопросы о конструкции перекрытия бесстолпной Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря и ее датировке в ряду полоцких памятников. Среди двухэтажных храмов-усыпальниц в архитектуре восточнохристианского мира и храмов на субструкциях не удалось выявить аналогов и источника решения, представленного в двух полоцких постройках с криптой. Придерживаясь датировки В. А. Булкина древнерусских памятников в Полоцке, автор высказывает и аргументирует предположение об участии переяславских мастеров в строительстве в Полоцке в конце XI - начале XII в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 166-170. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 726.5

Искусствоведение

Статья рассматривает вопросы о конструкции перекрытия бесстолпной Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря и ее датировке в ряду полоцких памятников. Среди двухэтажных храмов-усыпальниц в архитектуре восточнохристианского мира и храмов на субструкциях не удалось выявить аналогов и источника решения, представленного в двух полоцких постройках с криптой. Придерживаясь датировки В. А. Булкина древнерусских памятников в Полоцке, автор высказывает и аргументирует предположение об участии переяславских мастеров в строительстве в Полоцке в конце XI – начале XII в.

Ключевые слова и фразы: бесстолпный храм; одностолпный купольный храм; двухэтажный храм-усыпальница; храм на субструкциях; Полоцкое зодчество; переяславская артель.

Трушников Александр Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

altrue@mail.ru

**ПЯТНИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ БЕЛЬЧИЦКОГО МОНАСТЫРЯ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЦКОГО ЗОДЧЕСТВА КОНЦА XI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII В.**

Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря в Полоцке известна по материалам И. М. Хозерова. К 1929 г. в обстройке сохранялось древнее ядро здания и кладка стен на высоту 6 м до основания сводов, а также подземная погребальная камера. Как было установлено раскопками 1926-1928 гг., средняя часть представляла собой остатки древней бесстолпной церкви, первоначальная апсида была в плане прямоугольной, с фланкирующими «однообломными» прямыми лопатками по углам (подобные лопатки имелись также снаружи и внутри церкви) [21, с. 77]. Небольшой храм (5,75 x 5,1 м по наружному контуру) сложен из плинфы хорошего обжига 29-31 x 15-16,5 x 2,5-3,5 см в технике кладки со скрытым рядом [19, с. 99]. Высота сохранившихся стен основного объема достигала 7 м, проем апсиды имел высоту около 6 м. На фасадах были зафиксированы остатки окон второго яруса, возможно, с запада примыкал пониженный притвор [Там же]. В ходе раскопок 1977 г. были обнаружены керамические поливные плитки пола [22, с. 182].

И. М. Хозеров считал, что наос перекрывался коробовым сводом, а прямоугольная апсида завершалась треугольным фронтоном [Там же, с. 184]. По предположению Н. Н. Воронина, этот несохранившийся храм XII в. представлял собой сочетание объемов разной высоты, перекрытых коробовыми сводами с двускатным покрытием, в чем заключалась, по мнению исследователя, преемственность деревянным образцам. Пятницкая церковь интерпретировалась Н. Н. Ворониным как одна из новаторских полоцких построек зодчего Иоанна, воплотившего «принцип ступенчатой ярусности» и в бесстолпном храме [6, с. 14, 18].

На наш взгляд, учитывая небольшой размер постройки, толщину стен в 1 м и членение боковых фасадов лопатками, которые отделяют близкий квадрату сегмент наоса, не стоит исключать возможного устройства купола. Основная нагрузка при купольном завершении приходилась бы на боковые стены и на две подпружные арки: узкую перед алтарем и широкую, опирающуюся на лопатки. Подобная конструкция известна в одностолпных купольных храмах в архитектуре византийского мира: северный придельный храм св. Варвары построен почти одновременно с основной церковью Введения Богородицы во Храм – Капникареа в Афинах XI в. [25, р. 376]. В большем масштабе и без лопаток два купола были устроены в храме Архангелов в Прилепе после 1280 г. [27, с. 111]. Купольное завершение сближало бы Пятницкую церковь с Ильинским храмом в Чернигове – бесстолпным храмом типа «компактный вписанный крест» без вимы, но с высоким нартексом, на фасадах выделенным лопатками, и притвором. Также оба храма были усыпальницами (если погребальная камера в Полоцке первоначально, что теперь сложно установить) – в нартексе Ильинской церкви было устроено две ниши-аркосолии [13, с. 38].

Говоря о Пятницкой церкви в Полоцке, И. М. Хозеров отмечал, что примеры такого рода храмов-усыпальниц были известны в X-XII вв. в Болгарии и на Кавказе, и особо подчеркнул различие полоцкой усыпальницы, где подземная камера не доходит до апсиды, и болгарских «костниц» [21, с. 77]. Исследователь также привел пример древнерусской миниатюрной церкви-усыпальницы: по его сведениям, Иоанновский придел Успенского собора Киево-Печерской Лавры имел подземную камеру и был не крещальной, а усыпальницей [Там же, с. 78]. Изучение как результатов археологического исследования придела, проведенного Н. В. Холостенко в 1969-1972 гг., так и Киево-Печерского патерика привело П. Е. Бельского к выводу об изначальном назначении придела для отпевания и заупокойных служб [2, с. 74, 77].

Однако среди древнерусских построек последней трети XI в. есть другой пример двухэтажного храма-усыпальницы – постройка византийских мастеров по заказу Владимира Мономаха в детинце Чернигова. В заглубленном в землю на половину своей высоты подклетном этаже четырехстолпного трехапсидного храма были обнаружены две больших аркосольных ниши, два кирпичных саркофага и обломки каменных. Стены и столбы храма сохранились на высоту до 1 м, включая пяты некоторых арок, что позволяет реконструировать их высоту до замка – около 2 м [14, с. 201]. Исследовавшие памятник В. П. Коваленко и П. А. Раппопорт отмечали необычность такого рода построек в византийской архитектуре. Действительно, примечательно следование в подклетном этаже схеме крестово-купольного храма, находившегося во втором ярусе. В качестве аналогии

исследователи приводили константинопольскую церковь Одалар-джами, но подробное изучение Одалар-джами в конце 1990-х гг. сдвинуло датировку храма в третью четверть XII в. [28, S. 127, 131-133; 29, S. 82-83]. В Константинополе несколько других средневизантийских храмов были возведены двухэтажными на субструкциях: Мирелейон, храм Богородицы Перивлепты [26, р. 657-658, 663], Гюль Джами, но найденные в первом этаже захоронения часто датируются уже палеологовским временем [28, S. 65, 71, 99, 111-113]. Субструкции этих построек несколько отличаются от планировки верхнего этажа и представляют собой сочетание г-образных компартиментов и прямоугольных ячеек близкого размера, разделенных опорами. В некоторых случаях восточная часть субструкций имеет алтарные апсиды, что приводит к предположению о литургическом использовании помещений первого этажа [24, р. 70-72] и назначении этих помещений как крипт для хранения и паломнического поклонения реликвиям, размещения погребений или оссуария [26, р. 663-664]. В каждом отдельном случае необходимо внимательное изучение конкретных свидетельств использования помещений субструкций, чтобы составить верное представление о функциональном назначении первого этажа как в изначальном средневизантийском замысле, так и в более поздней палеологовской эпохе. Такого рода исследование помогло бы уточнить обстоятельство возведения двухэтажного храма-усыпальницы в Чернигове. Черниговская постройка вряд ли имела какое-то влияние на Пятницкую церковь в Бельчицком монастыре, на что указывают и временной разрыв между постройками, и разница в устройстве нижнего этажа: наполовину заглубленный этаж, повторяющий план трехапсидной церкви с четырьмя опорами, в Чернигове против подземной камеры в Полоцке.

Если обратиться к болгарским двухэтажным церквям, то только одна из них построена раньше Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря – костница Бачковского монастыря конца XI – начала XII в. Двухэтажная церковь Богородицы состоит из часовни и крипты, в которой по афонской традиции предполагалось хранить кости умерших монахов [16, с. 144]. При этом крипта костницы не была полноценным этажом – она наполовину скрыта в земле, но ее стены были расписаны, как крипты-мартирии кафоликона Оснос Лукас в Фокиде и его метохии храма св. Николая в Камбии, Беотия [Там же, с. 145-146]. Остальные двухэтажные болгарские храмы относятся к более позднему времени, чем храм Бельчицкого монастыря: церковь Богородицы Петрички в Асеновой крепости – конец XII – начало XIII в., а придел св. Пантелеймона Боянской церкви построен в середине XIII в. [25, р. 481, 483]. При этом двухъярусность церкви в Асеновой крепости объясняется исключительно конструктивными причинами (из-за расположения здания на крутой скале), аналогичное решение имела расположенная неподалеку и также на крутом склоне церковь XII в. св. Иоанна Предтечи в Асенограде [15, с. 171, 201]. Ни в одной из этих церквей в нижнем этаже не было обнаружено погребений или фресковых циклов так называемой погребальной программы [16, с. 151-152], также нет никаких свидетельств использования этих помещений как крипт или для проведения служб [25, р. 481]. Авторитетное мнение А. Грабара [9, с. 132] долгое время было достаточным аргументом версии о существовании усыпальницы севасторатора Калояна и его супруги в нартексе в первом этаже церкви св. Пантелеймона в Бояне. Последующие исследования комплекса не выявили исторических или археологических данных о захоронениях XIII в. в нартексе, но раскрытые в приделе фрагменты фресок указывают на поминальное предназначение храма св. Пантелеймона [16, с. 146]. Как справедливо отметила Б. Пенкова, храм в Бояне принципиально отличается от других двухъярусных болгарских церквей надземным размещением обоих этажей и, скорее, принадлежит еще мало изученной практике XIII-XIV вв. устраивать поминальные капеллы на втором этаже храма [Там же, с. 150-151]. Таким образом, болгарские постройки представляют совсем иные типы двухъярусных сооружений и никак не могут помочь объяснить происхождение композиции Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря.

Сочетание именно усыпальницы в нижнем ярусе и размещение поминальной церкви во втором этаже представлено в армянских храмах Сурб Аствацацин XIV в. в Егварде и монастыре Нораванк. Эти высокие двухэтажные церкви продолжают местную традицию возведения погребальных сооружений башенного типа, которые строились в первые годы после принятия христианства в Армении [20, с. 444], что также сложно представить источником решения Пятницкой церкви в Полоцке.

Две особенности Пятницкой церкви имеют аналогии в полоцком зодчестве XII в. Среди пристроек конца XI – первой половины XII в. у Софийского собора в Полоцке, исследованных В. А. Булкиным в 1975 г., бесстолпный придел у юго-восточного угла имел прямоугольную апсиду [5, с. 96]. Устройство необычной для древнерусской архитектуры пристройки вдоль восточного фасада с захоронениями в ее южной части, в непосредственной близости к бесстолпному придельному храму, может указывать на его поминальное назначение или роль особо выделенной усыпальницы. Сложно сказать, каким образом осуществлялось перекрытие этого квадратного в плане придела (7 x 7 м без апсиды), но ясно, что его прямоугольная апсида оказывалась включенной в объем здания княжеской усыпальницы и, возможно, делила часть нагрузки перекрытия со столбами. Также храм Бельчицкого монастыря не единственный пример устройства подземной гробницы: камера для погребений (2,5 x 5,2 м и глубиной около 1,7 м) была обнаружена в северной галерее храма-усыпальницы полоцких епископов в Евфросиньевом монастыре, датированной М. К. Каргером началом XII в. [12, с. 243-245].

П. А. Раппопорт рассматривал полоцкое зодчество XII в. как почти непрерывную последовательную традицию, развивавшуюся до 1170-1180-х гг., когда постройки полоцких мастеров в Смоленске и Новгороде оказали большое влияние на развитие других архитектурных школ [18, с. 161]. Первой постройкой после Софийского собора в Полоцке был большой собор Бельчицкого монастыря, близкий церкви Спаса на Берестове в Киеве и, как считали Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт, построенный киевскими мастерами вслед за ней в 1120-1130-х гг. [6, с. 17; 18, с. 157]. Следующие постройки – храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре и церковь на Нижнем Замке ознаменовали отход от киевских образцов и выработку самостоятельной

традиции. П. А. Раппопорт относил строительство этих храмов к 1140-м гг. и связывал некоторые изменения в них (кладка фундамента насухо, расширения галерей на углах, одноапсидность) с приходом какого-то византийского зодчего, вошедшего в состав местной артели [18, с. 159]. Таким образом, по мнению исследователя, к середине XII в. в Полоцке сложились «благоприятные условия для яркого развития новых архитектурных форм» [Там же], что привело к созданию новаторской башнеобразной композиции Спасской церкви Евфросиньева монастыря зодчим Иоанном [Там же, с. 160].

Иная версия хронологии полоцкого зодчества была предложена В. А. Булкиным, наряду с более ранней датировкой церкви Спаса на Берестове – отправной точки для полоцкой архитектуры после Софийского собора. Критическое изучение предположения М. К. Каргера о строительстве храма на Берестове в 1113-1125 гг. и свидетельств письменных источников, интерпретация особенностей постройки как начального этапа формирования устоявшегося в 1120-1140-х гг. архитектурного «канона» и предпосылки общеисторического характера привели исследователи к датировке церкви Спаса 1060-ми гг. и, соответственно, большого собора Бельчицкого монастыря – последней третью XI в. [3, с. 58-63]. Упоминание о храме-усыпальнице в Евфросиньевском монастыре в житии Евфросинии Полоцкой говорит о захоронениях епископов во множественном числе в начале XII в., что позволяет допускать датировку храма концом XI в. [5, с. 99]. Продолжение строительства в Полоцке, по мнению В. А. Булкина, укладывается в первые три десятилетия XII в.: постройки на Бельчицах, часть обстройки Софии и новаторская Спасская церковь зодчего Иоанна при этом относятся к 1120-м гг., что подтверждается новейшими исследованиями при реставрации храма¹. Затем в 1130-1140-х гг. в силу неблагоприятной обстановки – упадка княжеской власти и деления земли на уделы – скорее всего, строительство велось в других городах: Витебске, Минске, Новогрудке. Таким образом, полоцкое зодчество укладывается в промежуток вторая половина XI – первая половина XII в. и предстает рано обособившейся местной школой, отличавшейся интенсивной динамикой развития и глубокой оригинальностью архитектурных решений [Там же, с. 100].

Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря в хронологии полоцких построек по формату плинфы может занимать место рядом с храмом-усыпальницей Евфросиньева монастыря и церковью на Нижнем Замке: в первой в небольшом количестве были использованы кирпичи шириной 15,5 см, а во второй около 20% кирпичей такие же узкие – 15-16 см [18, с. 148, 152], как зафиксированные в Пятницком храме. Следовательно, вероятно хронологическая близость храма-усыпальницы Евфросиньева монастыря с криптой в северной галерее, храма на Нижнем Замке и бесстолпной церкви. Две особенности этих храмов, выделенные П. А. Раппопортом как признак прихода нового зодчего: кладка фундаментов насухо и одноапсидность – находят соответствие в переяславских постройках начала XII в. Фундаменты бесстолпного храма на Советской улице и Спасской церкви в нижних частях сложены из валунов насухо, а в верхних пролиты раствором [19, с. 35-36]. В Спасской церкви, так же как в храме-усыпальнице Евфросиньева монастыря, была сделана вымостка из плинфы поверх фундамента, выступающая от плоскости стен: один ряд и 15-20 см в небольшом переяславском храме, два-три ряда и выступ до 50 см в полоцком храме. Обращает на себя внимание устройство полукруглых ниш в восточной стене по сторонам сильно выступающей апсиды Спасской церкви, аналогичное решению алтарной части целого ряда полоцких построек. Эти небольшие переяславские храмы принято датировать концом XI в. – 1100-ми гг. и связывать с боярским строительством [11, с. 157; 19, с. 35, 37].

П. А. Раппопорт предполагал, что строительные инициативы Владимира Мономаха на княжении в Переяславле (1094-1113 гг.) осуществляли не только местные мастера, но и строители, которых он привел с собой из Чернигова [17, с. 43]. Известно, что по заказу Владимира Мономаха была возведена в 1098 г. церковь Богородицы «на Княжем дворе» в Переяславле (интерпретация остатков церкви на площади Воссоединения как храма Мономаха не бесспорна) [10, с. 213-214; 19, с. 36]. В 1101 г. был заложен Успенский собор в Смоленске [8, с. 25-33], и примерно в это же время – Успенский собор в Суздале [7, с. 28-32], а в 1108-1110 гг. построена придворная церковь Спаса во Владимире [Там же, с. 39, 42-44]. Все ли мастера переяславской артели участвовали в почти непрерывном каменном княжеском строительстве и перенесении южнорусской архитектурной традиции на Северо-Восточные земли? Часть строителей, вероятно, осталась в Переяславле и для других заказчиков построила бесстолпный храм на Советской ул. и Спасскую церковь.

На наш взгляд, переяславские мастера, характерными приемами которых были кладка фундамента насухо, устройство вымостки из плинф и крупные выступающие апсиды (единственная в бесстолпном храме или центральной), могли построить храм-усыпальницу Евфросиньева монастыря и церковь на Нижнем Замке в Полоцке. Не исключено, что такое решение восточной части сложилось под влиянием главного храма Переяславля – Михайловской церкви с одной крупной полукруглой центральной апсидой и прямоугольными отрезками восточной стены по бокам. Переход в полоцких постройках от техники кладки *opus mixtum* к плинфяной со скрытым рядом и использованием камня только в забутовке не столь радикальная перемена, а момент, связанный с финансовыми и техническими возможностями производства плинфы [3, с. 59]. Важная композиционная особенность Полоцких построек (начиная с Софии и большого собора Бельчицкого монастыря, в храме-усыпальнице, к сожалению, не удалось проследить восточную часть из-за полного ее уничтожения [12, с. 243]) – сдвиг подкупольного квадрата к западу, придающий центрический пирамидальный характер сочетания объемов зданию, была заложена и у истоков Переяславского зодчества – Михайловской

¹ Данные дендрохронологического анализа еще не опубликованы. В результате археологических работ, проведенных Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, были обнаружены первоначальные галереи с трех сторон собора, но характер решения восточных концов галерей еще предстоит раскрыть.

церкви и, как мы полагаем, продолжена в Андреевском храме типа «октагон на тропках» [10, с. 210-211]. Переходом переяславских мастеров в Полоцк в конце XI – самом начале XII в. можно объяснить и замирание строительной активности в самом Переяславле: в первом десятилетии XII в. Михайловская божница в Остре была построена из киевской и черниговской плинфы [11, с. 157]. Таким образом, роль переяславских мастеров в сложении Полоцкого зодчества состояла не в возведении необычных типов построек, а в развитии близкой им архитектурной линии храмов со ступенчатой и центрической объемно-пространственной композицией, дополненной новым для Полоцка, но привычным для Переяславля решением алтарной части с большой центральной апсидой и не выявленными на восточном фасаде боковыми (см. Приложение).

Поскольку данная артель не являлась княжеской, приглашение мастеров необязательно связывать с периодами улучшения отношений полоцких князей с Владимиром Мономахом. Мастеров пригласил либо князь Всеслав Брючиславич (1044-1068, 1071-1101), либо унаследовавший Полоцкий удел князь Борис (1101-1128)¹. В «Житии Евфросинии Полоцкой» князь Борис упоминается среди честных мужей, которым епископ Илья сообщил о передаче Сельца Евфросинии для обители. Именно при Борисе Всеславиче после вероятного импульса от переяславского зодчества сложилась местная полоцкая архитектурная традиция, развитие которой привело к созданию зодчим Иоанном вариации башнеобразного храма. Определение датировок и хронологии построек полоцкого зодчества в рамках конца XI – первой трети XII в. – предмет, требующий отдельного большого исследования.

И. М. Хозеров предполагал, что посвящение Пятницкого храма, в котором, по его интерпретации, на предалтарной стене в 1920-е гг. еще сохранялись изображения Бориса и Глеба, изначально было Борисоглебским, а построен он был для умершего в 1128 г. полоцкого князя Бориса Всеславича [22, с. 182], и именно княжеская гробница располагалась в подземной камере под наосом. Однако случаи смены посвящения храмов – большая редкость. Борисоглебский собор Бельчицкого монастыря, надо полагать, был построен в русле княжеского строительства храмов в честь русских святых после 1115 г. – канонизации Бориса и Глеба и постройки их храма-мартырии в Вышгороде [4, с. 41]. Также мнение И. М. Хозерова несколько противоречит представлению о существовании княжеской усыпальницы в храме на Нижнем Замке, где были обнаружены остатки кирпичных гробниц с росписью и фрагменты шиферного саркофага [18, с. 154]. Вероятно, Пятницкая церковь была построена в первой четверти XII в. как поминальный храм с усыпальницей для какого-нибудь члена княжеской семьи, который предпочел упокоиться в Бельчицком монастыре, или для особо почитаемого настоятеля монастыря. Такой принцип устройства выделенного значимого захоронения в крипте был уже известен в Полоцке в северной галерее храма-усыпальницы епископов в Евфросиньевом монастыре.

Список литературы

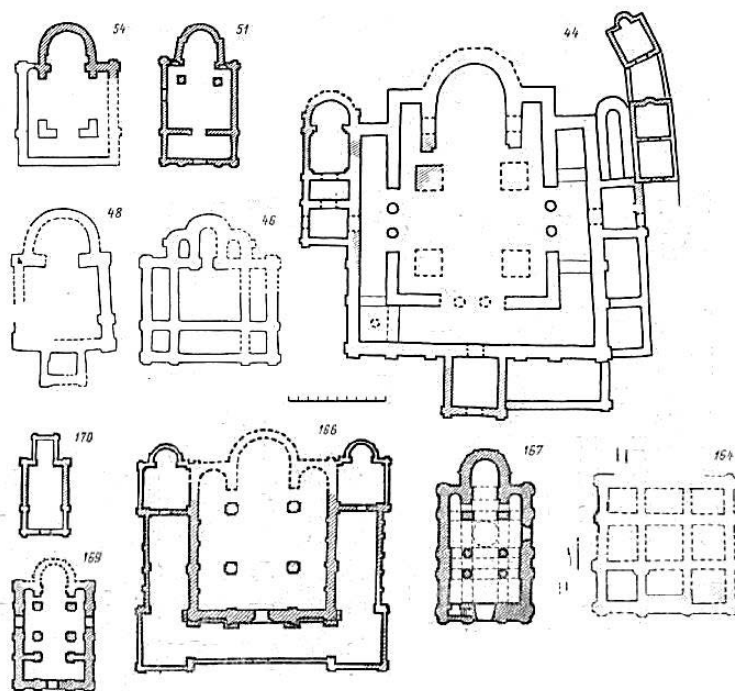
1. **Алексеев Л. В.** Полоцкая земля. М., 1966. 295 с.
2. **Бельский П. Е.** Придельные храмы в нартексе и приделы-пристройки в древнерусской архитектуре домонгольского времени // *Seminarium Bulkinianum* II. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. С. 69-81.
3. **Булкин В. А.** О времени постройки церкви Спаса на Берестове // Булкин В. А. О древнерусской архитектуре. Избранные труды. СПб.: Каламос, 2012. С. 58-63.
4. **Булкин В. А.** О посвящении ранних черниговских храмов // 1000 років Чернігівській єпархії: тези доповідей конференції. Чернігов, 1992. С. 34-41.
5. **Булкин В. А.** Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода // *ΣΟΦΙΑ: сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча*. М.: Северный паломник, 2006. С. 89-100.
6. **Воронин Н. Н.** Бельчицкие руины // *Архитектурное наследие*. М., 1956. Вып. 6. С. 3-20.
7. **Воронин Н. Н.** Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков. М.: Издательство АН СССР, 1961. Т. I. 584 с.
8. **Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.** Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л.: Наука, 1979. 414 с.
9. **Грабар А.** Болгарские церкви-гробницы // *Изв. на Българския археологически институт*. София, 1922. Т. 1/1 (1921-1922). С. 103-135.
10. **Ёлшин Д. Д.** «Двустолпные» храмы древнерусского Переяславля: византийский контекст // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. СПб.: НП-Принт, 2013. Вып. 3. С. 209-215.
11. **Ёлшин Д. Д.** Зодчество Переяславля Южного: школа или артель? // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. СПб.: НП-Принт, 2012. Вып. 2. С. 156-161.
12. **Каргер М. К.** Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке // *Советская археология*. М., 1977. № 1. С. 240-247.
13. **Карнабед А. А.** Новые данные о памятниках Чернигова XI-XII вв. // *Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в.* М.: Наука, 1988. С. 31-40.
14. **Коваленко В. П., Раппопорт П. А.** Неизвестный памятник зодчества на Руси // *Византийский временник*. М., 1990. Т. 51. С. 201-204.
15. **Миятев К.** Архитектура в средневековна България. София, 1965. 252 с.
16. **Пенкова Б.** Болгарские церкви-гробницы // *Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 143-154.
17. **Раппопорт П. А.** Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, 1993. 289 с.
18. **Раппопорт П. А.** Полоцкое зодчество XII века // *Советская археология*. М., 1980. № 3. С. 142-161.
19. **Раппопорт П. А.** Русская архитектура X-XIII вв.: каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с.

¹ Среди историков нет единства в определении старшинства Всеславичей. По версии Л. В. Алексеева, до ссылки в Византию в Полоцке княжил Давид Всеславич (1101-1128), а средний сын Всеслава Рогволод (в крещении Борис) получил в удел Друцк и был полоцким князем всего год с 1128 г. до смерти в 1129 г. [1, с. 253, 260-261]. По другой, в меньшей степени идущей в разлад с летописными данными, в 1101-1128 г. в Полоцке княжил Борис Всеславич [23, с. 130].

20. Халпахчян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении. М.: Искусство, 1980. 480 с.
 21. Хозеров И. М. Белорусское и Смоленское зодчество XI-XIII вв. Минск: Навука і тэхніка, 1994. 151 с.
 22. Хозеров И. М. Полоцкое зодчество в свете новых исследований // Адраджэнне. Гістарычны альманах. Минск: Універсітэцкае, 1995. Вып. 1. С. 157-195.
 23. Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // Труды отдела древнерусской литературы. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 112-131.
 24. Connor C. Art and Miracles in Medieval Byzantium. The Crypt of Hosios Loukas and Its Frescoes. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1991. 132 p.
 25. Ćurčić S. Architecture in the Balkans: from Diocletian to Suleyman the Magnificent (c. 300 – c. 1550). New Haven – L.: Yale University Press, 2010. 608 p.
 26. Dark K. The Byzantine Church and Monastery of St. Mary Peribleptos in Istanbul // The Burlington Magazine. 1999. Vol. 141. № 1160. P. 656-664.
 27. Korunovski S. A Contribution to the Study of Architecture of the Monastery Church of St. Archangel Michael in Prilep // Зограф. Београд, 2011. № 35. С. 111-118.
 28. Theis L. Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2005. 216 S.
 29. Westphalen S. Die Odalar Camii in Istanbul. Architektur und Malerei mittelbyzantinischer Kirche // Istanbul Mitteilungen. Tübingen: Wasmuth, 1998. Beiheft 42. S. 1-162.

Приложение.

Планы памятников по П. А. Раппопорту [19, с. 124, 127]

44. Переяславль, церковь Михаила; 46. Переяславль, храм Андрея «у ворот»; 48. Переяславль, церковь на Советской ул.;
 51. Переяславль, Спасская церковь; 54. Старгородка, Михайловская Божница; 164. Полоцк, храм на Нижнем Замке;
 166. Полоцк, храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре; 167. Полоцк, Спасская церковь Евфросиньева монастыря;
 169. Полоцк, Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря; 170. Полоцк, Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря

PYATNITSKAYA CHURCH OF BELCHITSKIY MONASTERY IN THE CONTEXT
 OF POLOTSK ARCHITECTURE OF THE END OF THE XI – THE FIRST THIRD OF THE XII CENTURY

Trushnikova Aleksandra Vadimovna
 Saint Petersburg University
 altr@mail.ru

The article examines the problem of the floor construction of the non-pillar Pyatnitskaya Church of Belchitskiy Monastery and considers its dating among Polotsk monuments. Design presented in the two Polotsk crypt buildings has no analogues among two-storied Eastern Christian temples-burials and temples on substructures. Following V. A. Bulkin's dating of Old Russian Polotsk monuments the author proposes a hypothesis of Pereyaslavl craftsmen's participation in Polotsk building at the end of the XI – the beginning of the XII century.

Key words and phrases: non-pillar temple; one-nave cupola temple; two-storied temple-burial; temple on substructures; Polotsk architecture; Pereyaslavl artel.